

ДИСКУССИЯ

И.Е. Прохорова

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. ВЯЗЕМСКОГО “ВАРШАВСКОГО ПЕРИОДА”: РАЗВИТИЕ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕЙ*

В Варшаве в результате анализа довольно бурной политической жизни Царства Польского и, конечно, России и Европы в целом Вяземский глубоко осознал, что, дабы “договорные” отношения стали реальностью, верховная власть по собственной инициативе и/или под внешним давлением должна преодолеть множество устойчивых предубеждений и вредных влияний. Соответственно вопрос о потенциале позитивного давления на монархов и контроля за их продвижением по пути осуществления идеалов конституционного правления мыслился молодым либералом как архиважный. Особую сложность этот вопрос приобретал в России, где еще не сформировалась традиция деятельности общественных структур, влияющих на высшую власть. И тем актуальнее становилось скорейшее введение “представительства народного”, что само оно призвано было играть роль “дядьки” при шалящем правительстве — “робенке”⁹⁹.

Показательно, что свое положение в Варшаве как очевидца и участника разработки конституционных проектов Вяземский ценил еще и за то, что оно давало ему права своего рода “общественного контролера” выполнения царем своих деклараций. Об этом он писал, пусть в несколько травестийном стиле, в уже цитированном письме А.И.Тургеневу с воспоминаниями о первой Речи императора: “На всякий случай я был тут, арзамасский уполномоченный слушатель и толмач его у вас. Можно будет и припомнить ему, если он забудет”. Апелляция к “Арзамасу” не случайна, ведь в восприятии Вяземского и Тургеневых он и после прекращения своей деятельности оставался символом объединения “вольнодумцев” среди ненавистных им “рабски-думцев”, по удачному выражению Вяземского¹⁰¹.

* Окончание. Начало см. в № 3 за 2005 г.

⁹⁹ Остафьевский архив кн. Вяземского (далее: ОА). СПб., 1899. Т. 1. С. 204.

¹⁰⁰ Там же. С. 106.

¹⁰¹ Там же. Т. 2. С. 176.

С возложением на себя функций “толмача” и “контролера”, очевидно, связано и настойчивое желание быть “подателем” царю подготовленной в варшавской канцелярии “Уставной грамоты” в 1819—1820 гг. Эта миссия открывала перспективу не только для достойного продвижения по службе (что, кстати, тогда было немаловажно для молодого князя), но и для “продвижения” конституционных начинаний. Ведь посланнику Новосильцова предстояло, судя по позднему рассказу Вяземского, дать Александру “объяснения на проект” и получить от него “высочайшие замечания” для завершения работы¹⁰².

После некоторых осложнений из-за интриг в канцелярии весной 1820 г. Вяземский был командирован в Петербург и, насколько от него зависело, успешно использовал этот шанс “контролера” и адвоката реформ от лица либеральной общественности. Он получил принципиальное одобрение официального документа и своего участия в его создании, а также подтверждение императором намерений привести “в действие мысль для него священную”. Тогда же он, видимо, передал царю комплекс текстов, о чем сказано выше, правда, реакция власти непосредственно на них неизвестна. А вскоре активный проповедник конституции почувствовал явное охлаждение Александра к реформаторским начинаниям и настороженность в отношении к себе¹⁰³.

“Толмачом” и “контролером” Вяземский постоянно выступал в своей публицистике, в том числе эпистолярной, с ее, как уже указывалось, “умышленной неосторожностью” ради информирования о мнениях и событиях читателей и из числа друзей, и из правительственных кругов ради пробуждения их реформаторской энергии. Замечательно точно его “побудительная” позиция сформулирована в письме от января 1821 г., когда запас доверия к императору, явно уступавшему консервативным тенденциям во внутренней и внешней политике, был почти исчерпан. Вяземский возразил Тургеневу, советовавшему ему вести себя тише. «Сохрани меня, Боже, зажигать море, но избави, Боже, и не делать шума. Этот шум — не набат, а будильник. Я хочу, чтобы они знали, что есть мнение в России <...>. Это мнение не разрушительное: первый желаю и молю, чтобы все сделалось у нас именною волею и чтобы, по словам Милорадовича, он “изволил соизволить”, но соизволь же!»¹⁰⁴

Вяземский, разделявший основные просветительские установки, придавал огромное значение общественному мнению и

¹⁰² Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 86—87.

¹⁰³ Там же. С. 90.

¹⁰⁴ ОА. Т. 2. С. 144.

принципу гласности, без реализации которого немислимы нормальный политический процесс, взаимодействие власти и общества. Отсюда повышенный интерес к журналистике с ее функцией формирования и выражения общественного мнения и обеспечения гласности. Идеи, заявленные уже в журнальных программах и эпистолярной арзамасского периода, развиты Вяземским в его варшавских письмах, статьях (опубликованных и ненапечатанных, в том числе не прошедших цензуру) и стихотворениях.

Вяземский вновь и вновь декларировал цель оживить общественную жизнь страны, вывести ее из состояния, которое он называл “убийственным столбняком”. С сожалением и возмущением публицист констатировал: “На нас от рождения нашел убийственный столбняк: ни век Екатерины, со всею уродливостью своею, век много обещавший, ни 1812 год, ничто не могло нас расшевелить. Пошатнуло немного, а тут опять эта проклятая Медузина голова, то есть невежество гражданское и политическое окаменило то, что начинало согреваться чувством”¹⁰⁵.

Для борьбы с мертвящим воздействием “невежества гражданского и политического”, с нежеланием власти слушать “глас народа” и идейной индифферентностью общества необходим был “хороший журнал”. В его задачи входило демонстрировать губительность для правителя “презирать общее современное мнение”¹⁰⁶ и одновременно служить “народным надзирателем”, т.е. приковывать внимание общества к важнейшим явлениям в “истории гражданской, философической и литературной”, избавляя его от диктата интересов “глупцов читателей”.

Польские наблюдения уже в 1818 г. утвердили Вяземского в мысли, что первейшая обязанность такого издания — “навести” общее мнение “на правильное созерцание государя в Варшаве, среди представителей народных, беседующего с ними о благах общественных и требующего от них не безмолвного, не рабского повиновения, но советов и послушности обдуманной и собственной их пользою предписанной”¹⁰⁷. Таким образом, “хороший журнал” должен был стать посредником между властью и обществом, с одной стороны, подталкивая правительство к преобразованиям, а с другой — обеспечивая благоприятное реформаторскому процессу общественное мнение.

В своем отклике на “Историческое и критическое обозрение российских журналов” А.Ф. Воейкова (появилось в январе 1821 г. в “Сыне Отечества”) Вяземский возвращается к вопросу о требо-

¹⁰⁵ ОА. Т. 1. С. 107—108.

¹⁰⁶ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 62.

¹⁰⁷ ОА. Т. 1. С. 107.

ваниях к печатному органу. Повторяя, что главным является его способность влиять на публику, критик указывает на необходимость для этого журнала “иметь свою физиономию, свой взгляд, свой дух”. В истории русской периодики он полагает в известной мере соответствующими этому критерию в докарамзинский период “Собеседник”, “Живописец”, “Парнасский шепетильник”, а в XIX в. отводит особое место журналам Карамзина (“Московский журнал” и “Вестник Европы”) и “Сыну Отечества” первого года издания. Современная печать оценивается им очень скептически: “все наши журналы — школьные архивы ученических опытов”, не имеющие внятного направления¹⁰⁸. Такое отношение к текущей периодике конца 1810-х — начала 1820-х годов представляется не совсем справедливым, но вполне объяснимым в контексте взглядов Вяземского “варшавского периода” и особенностей его темперамента.

Для него как одного из зачинателей русской медиакритики (если использовать современную терминологию) принципиально важна не просто четкость позиции издания, но его готовность последовательно и искренне, а значит, эффективно проповедовать либерально-просветительские идеи. И в мастерстве публициста на первое место им ставится “твердый голос рассудка” и защита “правого мнения”. Ведь красноречие, не отвергшее “пустословие” и “разноцветные огни лжи” (а на языке Вяземского “ложь” отождествляется с “консервативными идеями”), не способно глубоко убедить читателя¹⁰⁹.

Соответственно образцовыми объявляются французские либеральные издания “Minerve” (по Вяземскому, “катехизис друзей положительной свободы”), “Renomee”, “Courtier Français”, “Bibliothèque historique”. Симптоматично, что в минуты гнева и отчаяния по поводу “алжирского варварства” русской цензуры¹¹⁰ Вяземский готов был перейти на французский, чтобы печататься хотя бы за рубежом, но лишь в названных или близких им по духу печатных органах. Возможно, именно в такую минуту осенью 1819 г. возникла идея дать информацию о подготовке русской конституции в парижскую газету Б. Константа “Constitutionnelle” (хотя о причастности Вяземского к этой публикации все-таки можно говорить только гипотетически)¹¹¹. Вероятно, в такую минуту родился и замысел перевода “Негодования” прозой на французский язык как своеобразного “манифеста русского

¹⁰⁸ Там же. Т. 2. С. 148—149.

¹⁰⁹ Там же. Т. 1. С. 161, 265, 273—274, 299.

¹¹⁰ Там же. Т. 2. С. 143.

¹¹¹ Об этом подробнее см.: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... С. 349; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы... С. 177.

поэта свободы”. Можно предположить, что с его помощью Вяземский хотел быть наконец услышан русской императрицей¹¹² и вообще франкоязычной, в том числе заграничной, аудиторией.

Отечественная печать, как уже отмечалось, оценивалась им весьма критично прежде всего в идейном плане: в ней он находил в основном “нелепости родимого невежества” и “тупое пустословие”¹¹³. Показательно возмущение Вяземского публикацией в 1821 г. в “Вестнике Европы” статьи “О коренных постановлениях России как причине ее непоколебимого благоденствия” П.А. Иовского, который “успокаивает нас в недостатке конституции” тем, что “зато спокойно ходим по улицам” в отличие от англичан. Вяземский в готовившемся им тогда “открытом письме” в “Сын Отечества” саркастически писал об этом “разительном доводе, который <...> сильнее всех других может отвести Европу от заразы, ее съедающей”¹¹⁴. Такого рода идейные разногласия делали закономерным неприятие Вяземским “Вестника Европы” М.Т. Каченовского, хотя, конечно, причины его многолетней крайне резкой критики данного издания кроются не исключительно в этом (и это отдельная тема).

Нельзя не заметить, что вообще в суждениях об отечественных журналах и журналистах Вяземский при всем своем рационализме и проповедуемом либерализме нередко поддавался эмоциям, бывал импульсивен, пристрастен и нетерпим, склонен к крайностям “черно-белого” письма. Особенно строгому приговору подвергались авторы и издания, допускавшие упоминание без должного пиетета, тем более критику священных для Вяземского идей и имен. Так, “недостаточность” преклонения перед Вольтером в статье Ф.Н. Глинки стала поводом для упрека автора и напечатавшего его “Сына Отечества” в “гасильных замашках”¹¹⁵, в чем трудно заподозрить Глинку, да и достаточно прогрессивно настроенного в те годы Греча.

Неоправданным кажется и абсолютно негативное отношение Вяземского к газете “Северная почта” — органу “официального” либерализма. Разумеется, ее панегирический тон в публикациях о действиях власти, отнюдь не только реформаторских, постоянное “выхваление” своего Отечества вполне справедливо раздражали

¹¹² Об этой цели перевода очень убедительно сказано в статье Ю.М. Лотмана и И.А. Паперно «П.А. Вяземский — переводчик “Негодования”» // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 369. 1975. С. 128—129.

¹¹³ РА. 1866. № 11—12. Стб. 1702.

¹¹⁴ Полемика с редактором журнала “Вестник Европы” // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1048. Л. 2.

¹¹⁵ ОА. Т. 2. С. 166.

свободолюбивого критика российских порядков¹¹⁶. Но все попытки этого правительственного органа пропагандировать “свободные понятия” он считал (думается, не совсем оправданно) лишь “последним усилием и последним промыслом рабства и лести”. После же публикации варшавской Речи императора Вяземский готов был предположить, что газета, угодничая, “так и душит свободой”.

Редактора “Северной почты” министра внутренних дел О.П. Козодавлева публицист обвинял в желании “выслужиться перед хозяином”¹¹⁷. Такое отношение Вяземского к Козодавлеву сложилось, видимо, под влиянием мнений о нем “старших” друзей (Карамзина, Дмитриева), хотя не совсем ясно, на чем основанных. Высказывания Вяземского отчасти соответствовали ироничным оценкам карьеризма этого “придворного министра” А.И. Тургеневым, хотя последний в целом отзывался о нем гораздо мягче¹¹⁸. Анализ современными исследователями деловых качеств, деятельности Козодавлева, в частности редакторской, подтверждает некоторую предвзятость Вяземского в суждениях о нем и его газете¹¹⁹.

Причем ригоризм Вяземского в отношении “Северной почты” привел к тактическому промаху: публицист даже не попытался использовать эту трибуну. Напротив, он явно опасался какого-либо сближения своего имени с именем официального проповедника правительственных реформ. Это наглядно демонстрирует история с попытками напечатать стихотворение “Петербург” в 1819 г.¹²⁰

В целом в оценках Козодавлева и его детища дали о себе знать как сильные, так и слабые стороны Вяземского — политика и публициста. С одной стороны, он проницателен в своей критике недостаточной объективности, глубины и искренности в идейном содержании этого правительственного издания, его “официального” либерализма. С другой стороны, в подходе Вяземского к “Северной почте” сказались определенный субъективизм и максималистская требовательность, довольно характерные для его “приговоров” современной отечественной периодике.

¹¹⁶ РС. 1892. № 12. С. 656—657.

¹¹⁷ ОА. Т. 1. С. 106.

¹¹⁸ Там же. С. 274—275.

¹¹⁹ Например, см.: *Предтеченский А.В.* “Северная почта” (1809—1819) // Предтеченский А.В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 132—144; *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и “рабстве” в русских журналах 1800—1810-х годов. Петрозаводск, 2002. С. 32—33; *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 100—102.

¹²⁰ ОА. Т. 1. С. 125, 194.

Медиакритик вообще явно недооценивал вклад российской прессы в ознакомление общества со многими прогрессивными общественно-политическими концепциями, в том числе с идеями общественного договора, конституционализма. В эти годы они так или иначе освещались на страницах не только “Сына Отечества” (к нему, как показано выше, Вяземский был более снисходителен), но и “Духа журналов”, “Северной почты”; и даже “Вестник Европы” писал о конституционных проектах не только в духе Иовского¹²¹. Хотя понятно, что цензурные условия функционирования отечественной печати, ее несравнимо меньший политический опыт не позволяли ей на равных конкурировать с французской периодикой. Вяземский с его темпераментом остро переживал эту неконкурентоспособность, что и отразилось на излишней резкости его высказываний о русской журналистике.

Кроме того, категоричность негативных оценок Вяземским российских изданий обусловлена, думается, и его чрезмерным недоверием вплоть до нетерпимости ко всему “чужому” в политике и литературе. Причем “чужое”, при явной расплывчатости данного концепта в сознании Вяземского (поэтому, видимо, само это понятие практически им не использовалось), понималось им в первую очередь все же как “чуждость” последовательному и искреннему исповеданию высоких либерально-просветительских ценностей. Соответственно бюрократия и официальные печатные органы (кстати, к ним он относил и “университетский” “Вестник Европы”) выступали как “чужие” и, следовательно, были совершенно неприемлемы¹²².

Показательно в этом плане, что слово “tolerant”, появившееся в его переписке этих лет как варваризм, использовалось лишь в негативном значении “мягкотелости”, “апатичной всеядности”¹²³. Здесь молодой русский либерал, надо признать, отступил от традиционной и принципиальной для либерализма трактовки понятия “толерантности” как необходимой “терпимости”, желания и умения понимать и уважать точку зрения “другого”. Так что в нетерпимости Вяземского к “чужому”, в том числе офици-

¹²¹ Например, см.: *Сын Отечества*. 1816. № 27. С. 31—40. Ход обсуждения названных политических вопросов в периодике того времени специально рассматривался в указанной выше статье В.А. Тепловой, а также см.: *Бокова В.М.* Тема законности в русской печати нач. XIX в. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История*. 1989. № 6. С. 34—40; *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм при Александре I... С. 19—39.

¹²² Видимо, как раз принадлежность М.М. Сперанского к бюрократии во многом предопределила обостренно критический взгляд Вяземского на этого крупнейшего либерального политического деятеля в России. Но это особая тема, требующая специального рассмотрения.

¹²³ ОА. Т. 1. С. 262.

альным изданиям, вполне можно увидеть одно из проявлений непоследовательности его либеральной позиции.

Однако вряд ли нередкие и действительно не всегда справедливые выступления публициста против “чужого” в политике и литературе стоит жестко связывать с особенностями мышления представителя “благородного сословия”, как утверждает П.В. Акульшин¹²⁴. Ведь интолерантность, протест против любого нарушения сложившейся “иерархии нравственных и интеллектуальных авторитетов” вообще свойственны авторитарному сознанию, рудименты которого сохраняются в головах людей независимо от их социальной принадлежности. Видимо, давали они о себе знать и в сознании либерально настроенного князя Вяземского. Но “чужие” для него — категория внесословная и в оценках “благородного сословия” постоянно присутствующая. Так, в стихотворении “Сибирякову” (1819) он с горечью констатирует, что в крепостническом обществе часто “первый из вельмож последний из людей”.

При сложившейся ситуации в отечественной журналистике и, главное, при таком ее видении прогрессивно настроенная общественность, чтобы “овладеть” печатной трибуной, вынуждена была думать о создании собственного журнала. Эту идею активно поддерживали друзья Вяземского — Н.И. Тургенев и М.Ф. Орлов, участники “Арзамаса” с 1817 г., уже тогда отличавшиеся радикальностью политических взглядов и серьезным подходом к вопросам их пропаганды. Не случайно в 1818 г. именно Орлов вместе с Вяземским оплакивал “смерть арзамасских надежд”, имея в виду несостоявшийся “Арзамасский журнал”. Их попытки реализовать журнальный проект не прекращались все три года пребывания Вяземского в Варшаве.

В 1819 г. Вяземский проявлял большой интерес к готовившемуся Н.И. Тургеневым в Петербурге литературно-политическому изданию, называя его “голубем спасения, вестником берега свободы”¹²⁵. Интересно, что многие высказывания Тургенева в “Обращении” от издателей практически тождественны арзамасским декларациям Вяземского или перекликаются с мотивами его гражданской лирики “варшавского периода” (“Петербург”, “Корабль”, “Негодование”).

Неудача тургеневского плана сильно огорчила Вяземского, и не только из-за потери потенциального канала идейного влияния на общество и власть. Не менее печальна для прирожденного публициста была еще одна утраченная возможность творческого

¹²⁴ Акульшин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. С. 70.

¹²⁵ ОА. Т. 1. С. 206.

самовыражения в печатном слове. Он с горечью писал: “Мы доселе прокрадываемся по жизни, а надобно шагать твердо”, “резать по меди”, а не писать “на песке”. Характерно в этом плане притчевое сравнение Карамзина с дубом, которому предназначена вечность, а себя — с “суточной розой”, которой нужно “сегодня благоухать”¹²⁶.

Журнальная тема начинает звучать тогда и в активизирующей переписке Вяземского с А.С. Пушкиным. Причем возникает она опять же в связи с проблемой творческой самореализации. Но при публицистическом темпераменте Вяземского само литературное творчество оказывается напрямую зависимым от общественного контекста. В апреле 1820 г. Вяземский, удрученный отсутствием достойной трибуны и соответственно невозможностью свободно обратиться к более или менее значительной аудитории, подчеркивал в письме к своему младшему другу и единомышленнику: “Пока у нас не будет журнал с нравственной и политической целию, писать весело нельзя”¹²⁷. Понятно, что выражение “писать весело” употреблено здесь в традиционном для “арзамасского наречия” смысле: писать остроумно, в вольнолюбивом духе, то есть хорошо.

1820 г. стал для Вяземского богатым на журнальные проекты. В феврале—марте М.Ф. Орлов настойчиво советовал Вяземскому (видимо, в ответ на его предложение Орлову издавать журнал в Киеве, где тот тогда находился) начать выпуск “Российского наблюдателя в Варшаве”. Это казалось наиболее перспективным в свете провозглашенной польской конституцией свободы печати. Перед изданием ставились две взаимосвязанные цели: “показать намерение сплести новый узел соединения двух народов” и широко знакомить публику с политической жизнью Польши, где начат исторически важный для всей империи конституционный эксперимент, в том числе печатать “без изъятия” прения варшавского сейма. Не случайно Орлов предлагал открыть журнал переводом польской конституции. Этот уже опубликованный (правда, без перевода на русский язык) документ не должен был встретить преград в цензуре, но в то же время, будучи прообразом создававшейся в тайне Государственной Уставной грамоты Российской империи, мог подготовить аудиторию к ее восприятию. Орлов в письмах Вяземскому начал даже обсуждать детали организации издания.

Однако Вяземский, к весне 1820 г. имевший хорошее представление о варшавской политической “кухне” и отношении там

¹²⁶ Там же. С. 377.

¹²⁷ Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 146.

к себе, практически сразу признал замысел нереалистичным: “Конечно, ты прав: хорошо бы в Варшаве издавать русский журнал! Но мне никак нельзя: я один или, еще и того хуже, не один; надеюсь, однако же, во время Сейма сообщать известия о прениях, если не бог, а люди позволят”¹²⁸.

Идея обнародования прений на сейме была очень дорога Вяземскому как возможность приобщения русского читателя к либеральной политической культуре, как реализация принципа гласности в общественной жизни страны. Ведь именно свет гласности не оставлял места для миражей и мифов, порождаемых “невежеством политическим и гражданским”. Ярко выражена эта мысль в письме к И.И. Дмитриеву: “<...> у нас гласность во всем и везде — какое-то пугалище; между тем неизвестность о том, что делается и говорится на Сейме, наводит страх другого рода на многих не только в глуши, но и в столичных английских клубах, порождает ложные и нелепые слухи”¹²⁹. Соответственно журналисты призваны показывать, что парламентские дебаты полезны для развития страны. Ведь в их ходе можно отклонить тот или иной правительственный проект закона, а значит, это хотя и слабая, но “плотина против наводнения всяких самовластных несправедливостей, народоубийственных постановлений и всего пр. и пр.”¹³⁰

В марте 1820 г., в преддверии открытия второго сейма, у Вяземского, как видно из его письма Орлову, появился план использовать уже существующую русскую политическую прессу для информирования общества о варшавских дебатах. Такой путь “доставки” в Россию “вестей о свободе, весьма умеренной и обузданной, вестей о действиях здешнего сейма, нам не чуждых, ибо, как ни говори, а они у нас не только что под носом, но часто может быть и на носу”, представлялся Вяземскому более реальным, чем орловский проект создания нового печатного органа¹³¹. В середине августа он уже запрашивал издателя “Сына Отечества” Н.И. Греча о возможном объеме публикаций “журнала сейма”. Тот готов был предоставить “сколько потребуется” места, даже увеличить объем своего издания, но просил обезопасить его от “гасильника цензуры” и обеспечить официальное предписание “помещать известия о сейме”¹³².

¹²⁸ [Переписка П.А. Вяземского и М.Ф. Орлова] // Лит. наследство. Т. 60. Ч. 2. Кн. 1. М., 1960. С. 26.

¹²⁹ РА. 1866. № 11—12. Стлб. 1691.

¹³⁰ АБТ. Вып. 6. С. 7.

¹³¹ Там же. С. 8.

¹³² ОА. Т. 2. С. 48, 53.

В архиве Вяземского сохранился черновик его записки “[О пребывании Александра I в Варшаве]”, направленной, по всей видимости, Новосильцову. В ней говорилось о необходимости информировать русское общество через “русские публичные листки” о “всем том, что в Польше делается”, поскольку молчание “подает повод к разным толкам”. Опасные слухи порождаются неизвестностью и подогреваются не всегда достоверной информацией из иностранных источников, тем более что в обществе существует предубеждение ко всякого рода нововведениям, соответственно и конституционным. Чтобы преодолеть недоверчивость соотечественников, Вяземский предлагал, как и Орлов в письмах к нему, печатать не только выписки из прений, но и отрывки из польской конституции. Эти материалы следовало помещать в “Сыне Отечества”, который автор документа считал “как по известности своей, так и по высочайшему одобрению, коим он пользуется, приличнейшим для статей такого рода”.

Записка, судя по черновику, выдержанная в весьма дипломатичном тоне, заканчивалась традиционным для многих текстов Вяземского “комплиментом-побуждением” правительству, которое “в мудрости своей <...> опередило (подразумевалось: должно опережать. — *И.П.*) мнение народное, уже возникающее в сословии просвещенном”¹³³. Этот “комплимент-побуждение” в официальном документе напоминал те публицистические приемы в его статьях, которые сам автор называл “обоюдным ножом, леденцом с перцем”. Но, очевидно, не столько форма, сколько общий пафос Записки, идея гласности оказались неприемлемы для верховной власти.

На одобренное Новосильцовым предложение печатать вполне “официозные” заметки “о царском пребывании в Варшаве и вообще о том, что делается в царстве”, высочайшего соизволения дано так и не было. По позднему свидетельству Вяземского, его проект был отвергнут, так как император якобы посчитал, что “Греч и журнал его очень неблагонадежны и неблагонамеренны”¹³⁴. Однако едва ли данный фактор был единственным, тем более решающим.

Этот запрет, как и многие другие “нелепые и бессовестные” меры правительства, стал поводом для немедленного публицистического отклика Вяземского на страницах писем к братьям Тургеневым, М.Ф. Орлову, И.И. Дмитриеву. Причем здесь его характеристики не только эмоциональнее, но полнее и точнее, чем в процитированном выше “Автобиографическом введении”.

¹³³ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1086. Л. 1—2.

¹³⁴ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. XII.

В письме С.И. Тургеневу Вяземский дал развернутый анализ драматического отсутствия взаимопонимания между властью и обществом (точнее — просвещенной его частью), которое усугублялось возрастающим нежеланием правительства вести нормальный диалог. “Эти проклятые потемки, в которых держат нас, неминуемо должны отразиться и на самое правительство, потому что оно молчит, оно думает, что мы ничего и не знаем; рано или поздно взойдет день незапный и осветит наше противоположение! Мы идем туда, оно оттуда. Никакой общей путеводительной нити нет! Нет никакой знакомой оклички! Где и как сойтись в этом темном и глухом лесу...” Вяземский как никто другой с его идеалом “договорных” отношений и журналистской закваской понимал ценность “сообщения взаимного”. И он продолжал в своей образно-публицистической манере: “Теперь хорошо, пока друг до друга дела нет: но сон же этот окаменелый вечен быть не может! Гроза настигнет...”

Приведенные строки были написаны во время неаполитанской революции и развертывания других национально-освободительных движений в Европе, за которыми русский либерал пристально следил. Сочувствуя им, он считал, что и его отечеству надо идти вперед по дороге, “настоящим веком пробитой”, но только “умеряя движения свои согласно с опытностью и благоразумием”¹³⁵. “Опытность и благоразумие” требовались, понятно, в первую очередь от правительства, ответственного за “сообщение взаимное” с подданными, пока не разразилась “гроза”. Тем более что в России она особенно опасна, ведь “у нас, что ни затей без содействия самой власти, все будет Пугачевщина”¹³⁶.

В письме М.Ф. Орлову Вяземский обобщил весь свой и своих единомышленников неудачный опыт в стремлении добиться гласности и возможности выражать и формировать общественное мнение в стране: “в обширной спальне России никакие будильники не допускаются”¹³⁷. Практически тогда же, весной 1820 г., русский публицист пришел к выводу, что ситуация со свободой печати, обязательным условием “сообщения взаимного”, резко ухудшилась и в Европе. Он с горечью писал о новых цензурных правилах во Франции: “Конечно, цензура там не то будет, что наша, но какая победа для запоздалых (т.е. консерваторов. — *И.П.*)... Впрочем, теперь свобода тиснения поет в журналах свою лебединую песню”¹³⁸.

¹³⁵ АбТ. Вып. 6. С. 8.

¹³⁶ Цит. по опубликованной Ю.М. Лотманом выдержке из письма Вяземского Н.И. Тургеневу от 27 марта 1820 г.: Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 98. С. 75.

¹³⁷ Лит. наследство. Т. 60. Ч. 2. Кн. 1. С. 27.

¹³⁸ АбТ. Вып. 6. С. 380.

“Запретительные” меры где бы то ни было вызывали у Вяземского недоумение и возмущение не только как тормоз прогрессивного развития “здесь и сейчас”, но и как проявление недалковидности власти. Так, в запрещении прусским правительством ввоза иностранных газет, честно освещавших происходившее на юге Европы и критиковавших политику Священного Союза, Вяземский увидел “смирение и признание в слабости”, боязнь информировать общество и обсуждать с ним острые проблемы. А неспособность и нежелание властей действовать “силой убеждения” неминуемо вели к новым насилиям и крови, что для либерала было неприемлемо¹³⁹.

Анализ высказываний Вяземского “варшавского периода” на темы политики показывает, что два события, далеко не равноценные для мировой истории, оказались для него архиважны и обусловили существенные изменения в его настроениях начиная с лета — осени 1820 г. Во-первых, это уже рассмотренный выше запрет “журнала сейма”, воспринятый как знак регресса в деле становления конституционных начал в России. Во-вторых, это трагически воспринятое им усиление реакционных тенденций в деятельности Священного Союза, которые открыто проявились во время подготовки и проведения конгрессов в Троппау и Лайбахе. Ведь именно там осенью 1820 г. — весной 1821 г. принимались решения о праве военного вторжения в Испанию, Неаполь и Пьемонт для подавления сил, требовавших введения конституционных порядков.

Еще 23 октября 1820 г. Вяземский высказывал опасения, что конгресс в Троппау превратится в “заговор самодержавия против представительного правительства”¹⁴⁰. Внимательный читатель зарубежной прессы, он вслед за ней признавал особую ответственность Александра I в решении “судеб Европы” — “быть или не быть миру народам, то есть иметь ли им свободу без кровопролития или вырвать ее окровавленную из рук слепого упорства”. При этом до окончания конгресса Вяземский все же полагал, что именно русский император сохраняет возможность “влияния во благо Европы”, а он сам — возможность влияния на Александра. И планы на будущее Вяземским с его жадной непосредственно

¹³⁹ ОА. Т. 2. С. 1—2.

¹⁴⁰ Там же. С. 92. Заметим, кстати, что эта оценка Вяземского, повторенная им в “Записных книжках” (с. 64), очень близка суждению о Священном Союзе Ф. Энгельса, в 1889—1890-х годах называвшего его заговором “всех европейских монархов против их народов под главенством русского царя” (“Внешняя политика русского царизма“ // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 32). Правда, в отличие от Энгельса, как видно из приведенных ниже высказываний, русский публицист — современник событий — не считал Александра организатором и главой этого “заговора”.

включиться в реальную политику строились с учетом этого: “Как мало надежды ни имею, а может быть, вызовут, может быть, проедет здесь и остановится. Дела не делай, а от дела не бегай”. Естественно, решение русского самодержца в феврале 1821 г. поддержать австрийское “нашествие” на Неаполь вызвало у него “бешенство”: “Сердце рвется от досады”¹⁴¹.

Именно тогда в его переписке появляется тема эмиграции. В одном из последних варшавских писем — письме Жуковскому от марта 1821 г. — демонстрируется откровенная оппозиционность властям: “В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать против них, но не знаться с ними”¹⁴².

Вяземский справедливо увидел в деятельности власти во второй половине 1820 г. — начале 1821 г. не только угасание личной реформаторской энергии Александра, но и вообще свертывание возможностей взаимопонимания между правительством и обществом. Причем эти тенденции оказывались характерны для всей Европы. Из-под его пера тогда вышли строки, пропитанные “унынием” и “негодованием”: “Нет общего языка. Мы их считаем дураками; они нас головорезами, и все тронулось с места, все взволновано”. В такой кризисный момент публициста, естественно, в первую очередь беспокоило будущее его Отечества, и он задавался вопросом: “Кто в России работает на завтрашний день?”¹⁴³ Все больше он не верил в желание, готовность и способность Александра “работать на завтрашний день”, что для Вяземского, конечно, означало идти по пути конституционных преобразований. 3 августа 1820 г. он писал об императоре: “Нас морочат, и только, великодушных намерений на дне сердца нет ни на грош. Хоть сто лет он живи, царствование его кончится парадом, и только”¹⁴⁴.

Многие исследователи, начиная с Ю.М. Лотмана, считали, что лето—осень 1820 г. это период “радикализации” позиции Вяземского, который после всех разочарований увидел не просто “различие” интересов высшей власти и прогрессивной общественности, а их “противоположность”¹⁴⁵. Представляется, однако, что не стоит преувеличивать степень такого рода “радикализации” взглядов Вяземского и абсолютизировать его “разрыв” с царем даже в последние месяцы пребывания в Варшаве. И дело

¹⁴¹ Там же С. 112—113, 115, 109, 161.

¹⁴² РА. 1900. № 2. С. 181—182.

¹⁴³ ОА. Т. 2. С. 59, 58.

¹⁴⁴ Там же. С. 55—56.

¹⁴⁵ См.: Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 98. С. 73.

не только в том, что, по справедливому замечанию С.С. Ланды, Вяземский так и не принял (во всяком случае для России) идею самой ограниченной “солдатской революции”, тем более “идею тираноубийства, индивидуального героического акта”¹⁴⁶.

Даже в минуты острейшей критики императора оппозиционер Вяземский никогда не подвергал сомнению принципиальную для него идею конституции как “договора” между властью и обществом при сохранении монархического правления. Показательно в этом плане его утверждение в декабре 1820 г., что конституционное устройство вовсе не противоречит монархии: “оно, напротив, теснейшими и неразрывнейшими узми сопрягает монарха с народом”¹⁴⁷. Так что вывод о готовности Вяземского в последние варшавские месяцы последовательно “противопоставлять” интересы власти и прогрессивных кругов кажется надуманным.

В общем достаточно трезвый политик и неизменный поборник либеральных реформ, Вяземский не мог не понимать, что, во-первых, политическая история редко идет прямым путем и соответственно от “нерешительности до решительного отказа в конституции расстояние непомерное” (как отмечено еще в статье “[О Пруссии]”). Во-вторых, объяснимый в эмоциональном плане призыв “не знать” с властью бесперспективен в прагматическом плане, особенно в России. Здесь обществу еще только предстояло преодолеть свою инерционность и сформироваться в инициативное сообщество граждан, а до тех пор реформы действительно “закрываются в одной особе”.

Закономерно, что Вяземский так до конца и не отказался от попыток влиять на Александра в надежде на его возможности “либерала на троне”. Закономерно и его неослабевающее “участие” в судьбе Польши, где начали все-таки “работать на будущее”, и не только на будущее поляков. В конце октября 1820 г. Вяземский полемически писал А.И. Тургеневу в ответ на его упрек в “равнодушии” к злободневным проблемам России по сравнению с польскими делами: “Здесь разыгрываются последние надежды наши. Забываю о гниющем древе... а жадно, пристально устремляю все внимание свое на зеленеющий отпрыск свободы, пробивающийся на том древе”¹⁴⁸.

Признаки “радикализации” позиции Вяземского иногда находят в появившихся тогда его высказываниях в оправдание “насильственных мер народов”. Но признание неизбежности

¹⁴⁶ Ланда С.С. Дух революционных преобразований... С. 354.

¹⁴⁷ ОА. Т. 2. С. 115.

¹⁴⁸ Там же. С. 94.

радикальных действий определенных общественных сил в условиях, когда “правительства кривят душою и путаются”, когда “причины неудовольствия” народа не истребляются правительством в “корне”¹⁴⁹, — это еще не доказательство существенной “радикализации” взглядов самого публициста. Такое отношение к насилию, свидетельствуя о глубине и прозорливости публициста в политическом анализе, вовсе не отменяет либеральности его позиции.

Вообще либерализм, особенно на ранних этапах его становления в России, как отмечали многие исследователи, довольно широкое и многогранное явление¹⁵⁰. В нем справедливо выделяют различные “течения”, хотя еще с очень нечеткими очертаниями. И как раз такой “межой” можно считать отношение к насилию. При общей отрицательной оценке его в свете гуманистических идеалов здесь можно отметить несколько подходов. Вяземский (как и ближайшие его единомышленники в “варшавский период”, прежде всего братья Тургеневы) полагал насильственный путь к преобразованиям неоптимальным, нежелательным. Он мог согласиться с неизбежностью и даже допустимостью насилия, но лишь в особых обстоятельствах и при определенных условиях (вроде требования “бескровной революции”).

Характерен его неоднозначный отклик на испанскую революцию. В <Табашном послании> 13 ноября 1820 г. Вяземский, с явным одобрением отозвавшись на изобретение европейской оппозиции, которая распространяла табакерки с конституционными текстами, остроумно напомнил о польском и испанском конституционных “экспериментах”. Шутливое дружеское послание Н.И. Тургеневу превратилось в яркий политический памфлет:

Во имя Хартии, свободы,
Всего, чего у нас нѣ ма,
Что у людей одной породы
Зовется наших дней чума,
Сей табакеркой либеральной
Я нос Ваш антифеодальной
Хочу потешить и почтить. <...>
Набив гишпанским табаком,
Вы нюхать из нее давайте
Всем староверческим носам, <...>
Всем Государственным Совам, <...>
Всем государственным лакеям <...>
Авось, целительным чиханьем

¹⁴⁹ Там же. С. 49—50.

¹⁵⁰ Например, см.: *Лотман Ю.М.* П.А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тартус. ун-та. С. 55; *Пугачев В.В.* О специфике декабристской революционности (некоторые спорные вопросы) // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1. С. 19—20.

Удастся их очистить мозг,
Который страх <...>
<...> как завалился сором.

Испанский “табак” (а в Испании борьба за конституцию шла революционным путем) здесь упоминается с явной симпатией. И все же это “целительное чиханье” не столько образец для подражания, сколько необходимое лекарство и предостережение российским “Государственным Совам” — противникам “Хартии” и “свободы”.

Более определенно на тему испанской революции Вяземский высказался в цитированном уже письме Н.И. Тургеневу еще в августе 1820 г.: “Я за Гишпанию рад, но, с другой стороны, боюсь, чтобы соблазнительный пример гишпанской армии не ввел бы в грех кого-нибудь из наших”¹⁵¹. Ведь в России с ее крайностями и отсутствием политической культуры, судя по цитированным уже выше словам Вяземского о Пугачевщине, всякое оппозиционное движение, отвергающее взаимодействие с существующей властью или отвергнутое ею, выливается в “грозу”, кровавый бунт, что для либерала уже абсолютно неприемлемо. (Заметим, кстати, явную связь “реплики” Вяземского о Пугачевщине с разработкой этой темы зрелым А.С. Пушкиным почти через 15 лет.)

Что же касается индивидуального кровавого насилия, оно всегда и безусловно вызывало негативную реакцию, например, упоминавшееся убийство герцога Беррийского. Еще раньше смерть Коцебу от руки студента Занда Вяземский назвал “нелепым злодейством”, которое “напоминает законы равенства французской революции: будь мне брат, или я тебя зарежу”. Он с огорчением писал о “головорезах”, которые “окровавят дело свободы, как французские тигры окровавили дело свободы”¹⁵².

В то же время Вяземский не оставил без внимания проблему происхождения террора. Он готов был видеть в Коцебу в конечном счете “жертву русского самодержавия”¹⁵³, которому служил этот консервативный немецкий писатель и которое в своем единении с самыми реакционными силами в Германии вызвало ненависть свободолюбивых немецких студентов. Ведь невыполнение либеральных деклараций властью (по Вяземскому, она “свободничает” только “на словах”), отставание ее от потребностей “народного духа” порождают “потрясения”. Так размышления о

¹⁵¹ Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов. С. 75; об этом также см.: Ланда С.С. Дух революционных преобразований... С. 224.

¹⁵² ОА. Т. 1. С. 205—206.

¹⁵³ Там же.

терроре “свободолюбцев” вновь упиралась в краеугольный вопрос политики — об ответственности власти за ход реформ, за “договор” с обществом.

И здесь, заметим, естественно возникала перекличка с основными положениями уже упоминавшейся статьи “[О Пруссии]” (написанной, видимо, тоже в 1819 г.). Большое место в ней занимал анализ настроений университетской молодежи, с нетерпением ожидавшей обещанной конституции, и указывался единственный эффективный путь предохранения ее от “неосновательных теорий” и участия во всякого рода “смутах” — путь правительственного конституционализма. Роль лоцмана здесь отводилась ответственному правительству, которое, даже если не любит “движения”, “знает, что, облегчая переходы, избегает потрясений”¹⁵⁴.

Результатом же анализа Вяземским общественного подъема 1820 г. (наступления либеральных сил на юге Европы) уже в полной мере стало понимание, что подобное активное противодействие власти — это не просто случайность, криминальное нарушение “общественного порядка”, с которыми можно справиться экстренными разовыми мерами. Вяземский все глубже осознавал, что оппозиционное движение — исторически закономерное явление, естественная составляющая политической жизни страны и что власти придется принимать в расчет существование оппозиции, ее требования, учиться “договариваться” с ней, взаимодействуя в рамках конституции. Он подчеркивал осенью 1820 г.: «Вот в чем дело: принимать ли обстоятельства за стихию, против которой бороться нельзя, или за случайное поветрие? Я в них вижу стихию и готов сказать: “Умейте плавать, умеете летать, умеете обжигаться или вы погибнете”. Они [правители] говорят: “Это — случай” и кидаются затыкать, тушить и запруживать. И все будут в дураках <...>»¹⁵⁵.

Ответом на позицию радикалов разного политического толка (и консерваторов, и “прогрессистов”) стала прозвучавшая в эпистолярной публицистике Вяземского классическая формула либерализма: “Одна умеренность (но не равнодушие) все превозмогает”. Отсюда следовал вывод: “Революционисты должны падать, либералисты устоят”¹⁵⁶. Вяземский свято верил в выработанный им девиз. И даже поток мрачных впечатлений по поводу “крутых примеров самовластительности” и неудач в поисках “общего языка” с властью (и не только в России) в конце 1820 г. не мог заглушить его убеждения в перспективности либеральной

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1052. Л. 3 об.

¹⁵⁵ ОА. Т. 2. С. 59.

¹⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 274.

идеологии. Так, в ответ на раздававшиеся тогда во Франции призывы покончить с “крикунами”-либералами он утверждал, что система идей Б. Констана и его единомышленников — это “капитал, который разбит по рукам всего молодого поколения возмужавшего и мужающего“, а следовательно, “истребите их — явятся другие”¹⁵⁷.

Знаменательно в этом плане и стихотворение 1820 г. “Негодование”, финал которого, как уже отмечалось, звучит оптимистически торжественно:

Свобода! о молодая дева!
Посланица благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между граждан и тронем,
Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного власть.

Несмотря на все надежды и немалые усилия, в том числе Вяземского — аналитика, пропагандиста, жаждущего деятельности чиновника, — исповедуемую им “договорную” идею, конституционный “союз между граждан и тронем” в России реализовать тогда, да и много позднее, не удавалось. В апреле 1821 г. находившийся в отпуске в Петербурге Вяземский получил письмо от Новосильцова с запретом возвращаться в Варшаву, за ним был установлен тайный полицейский надзор. Отставка Вяземского обозначила определенный рубеж — “точку замерзания” — в развитии правительственного конституционализма¹⁵⁸.

В таком ракурсе описывалась она спустя годы самим “пострадавшим”: “Судьба моя потускнела в одно время с судьбою Польши. <...> С Троппавского конгресса решительно начинается новая эра в уме императора Александра и в политике Европы. Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я... остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, а опального... Нельзя не подчинить дела

¹⁵⁷ ОА. Т. 2. С. 117.

¹⁵⁸ Символична в этом плане реплика Александра I, записанная М.М.Сперанским и характеризующая усиление консервативных тенденций в позиции императора, который летом 1821 г. практически расписался в собственном реформаторском бессилии: “не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются” (цит. по: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы... С. 216).

свои и поступки законной власти. Но мнения могут вопреки всех усилий оставаться неприкосновенными... Из рядов правительства очутился я неволью и не тронувшись с места в ряду <противников его> будто оппозиции”¹⁵⁹. Конечно, это отрывок из оправдательной по своей функции “Записки”, в которой автор несколько подправил историю, смягчил изначальную двойственность своей позиции правительственного чиновника и одновременно представителя передовой общественности, часто высказывавшего оппозиционные правительству мнения. Но общий смысл произошедшего схвачен им верно. Печальное завершение “варшавского периода” в жизни и творчестве Вяземского явно не случайно совпало с окончанием определенной фазы в социально-политической истории России.

Однако исторически значимо и то, что удалось сделать Вяземскому за три варшавских года. Это, во-первых, довольно серьезные шаги в рецепции либеральной идеи. Опираясь на зарубежный опыт либерализма и европейские, прежде всего французские, источники, русский публицист стремился использовать почерпнутые там концепции и программные установки творчески, с учетом отечественных условий, особенностей национальной политической традиции и состояния общественного сознания. Причем в весьма разноликом лагере раннего русского либерализма Вяземский занял достаточно четкую позицию. Ведь если в этом лагере выделить “дворянский либерализм” и в нем три основные ветви: “левый” фланг (граничащий с декабристским движением), “умеренный” центр и “правый” фланг (граничащий с консервативным лагерем), то Вяземского надо признать тогда одним из идеологов, пропагандистов и лидеров “умеренных”.

На первый план он выдвинул вполне реалистические даже для тогдашней России задачи принятия конституции и введения ограниченного представительного правления при сохранении монархии, провозглашения и гарантирования властью основных политических прав и свобод. Косвенным подтверждением реалистичности этих задач служит их практически полное совпадение с целями, воплощение которых начато тогда было Александром I в Польше. Кстати, ответственность правительства за ход реформ и сохранение гражданского мира подчеркивалась Вяземским особо. И хотя в зависимости от поведения высшей власти менялись акценты в оценках реформаторских возможностей и деятельности императора, Вяземский сохранял верность максимам умеренного либерализма. Неизменным оставалось его отношение к идее

¹⁵⁹ *Вяземский П.А.* Записные книжки... С. 150—151.

“договора” между властью и обществом. В общественном договоре он видел и цель, и путь к ее достижению. Причем теоретическая разработка соответствующих политических, государствоведческих вопросов велась им как в рамках официальных органов (в канцелярии Новосильцова), так и в “параллельном режиме” (в кругу просвещенной дворянской общественности при личном общении и переписке, а также в связи с разнообразными творческими замыслами). И многое из написанного им тогда так или иначе влияло на литературно-общественное движение в России.

Во-вторых, это достаточно активные поиски средств эффективного воздействия на общество и власть ради развития “договорного” сознания, начала освоения в России азов либеральной политической культуры. Ценно уже четкое осознание необходимости последовательно и используя разные каналы формировать общественное мнение в указанном направлении в пользу идеи “договора” между властью и обществом, возложив “побудительные” и “контролирующие” функции на журналистику и другие доступные средства коммуникации (эпистолярные, художественные и собственно публицистические тексты).

Причем поучительны и неудачи Вяземского на этом пути, особенно анализ их причин. Очевидно, среди них можно отметить и “проявления дворянского дилетантизма” (“недостаточный профессионализм и отсутствие настойчивости в воплощении замыслов”), но вряд ли стоит здесь искать суть проблемы, как делает П.В. Акульшин¹⁶⁰. Неудачи с журнальными проектами и вообще с публикациями Вяземского все-таки главным образом объясняются неодолимым противодействием самодержавной власти, опасавшейся гласности и любых общественных дискуссий по политическим вопросам. И если публицист использовал для пропаганды либеральных идей не все ресурсы, о чем говорилось выше и на что, кстати, указывалось в одном из его собственных писем (правда, в другой связи¹⁶¹), то это в большей степени, чем с непрофессионализмом, связано с его интолерантностью. Впрочем, ригоризм тоже можно при желании объявить “проявлением дворянского дилетантизма”.

Сам Вяземский высоко ценил “варшавский период” своей жизни, может быть, даже слишком резко противопоставляя другим ее этапам. Почти через три года после отставки он писал: “Варшаву также я люблю: в ней родилась и погасла эпоха деятельности моего разума. Все интеллектуальные поры мои были

¹⁶⁰ См.: Акульшин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. С. 67–68.

¹⁶¹ ОА. Т. 2. С. 177.

растворены; я точно жил душою и умом. Теперь половина меня заглохла и отнялась. Я не умею жить посреди смерти”¹⁶². Три года в Варшаве стали для него непростой, но полезной школой либерализма в жизни и творчестве.

Примечательна в этом плане реакция Вяземского на приказ не возвращаться в Польшу. Тяжело переживая неуважительное отношение правительства к себе как человеку, гражданину и чиновнику, он тем не менее трактовал действия правительства не просто как “частную несправедливость”, а как “политическую ошибку”¹⁶³, по точному определению С.С. Ланды. Он стремился сделать свою отставку предметом общественного внимания и гласного обсуждения и соответственно поводом для демонстрации оппозиционных сил. Отсюда и тотчас последовавшее прошение об отставке от звания камер-юнкера, и явная гордость при известии, что польские “газеты хотели провозгласить сетование” о его отсутствии¹⁶⁴, и снятие копий для распространения с письма польского наместника кн. Зайончека, в котором также выражалось сожаление по поводу гонений на Вяземского. Русский либерал стремился продолжать борьбу...

Поступила в редакцию
16.09.2004

¹⁶² ОА. Т. 3. С. 73.

¹⁶³ Ланда С.С. Дух революционных преобразований... С. 217.

¹⁶⁴ ОА. Т. 2. С. 204.